

— Хватит! То есть это простуда? Вы выписали рецепт?

Лекарь протянул бумагу Юн Линю, который плохо разобрался в снадобьях. Пробежав по рецепту глазами, юноша вручил его слуге, что готовил исключительно лекарства в комнате придворных лекарей.

— Иди, приготовь! Скорее, скорее!

Внезапно вспомнив ещё кое-что, юноша вновь проговорил:

— Да, кстати, у меня есть рецепт одного лекарства, которое тоже укрепляет здоровье. Держите, помогите мне приготовить его. — Взяв кисть и бумагу, что оставил лекарь, юноша совершенно неаккуратным почерком переписал рецепт, полученный от наложницы Шу, и, протягивая его придворному лекарю Хуану, спросил: — Так как Вы разбираетесь в лекарствах, посмотрите, является ли это хорошим и укрепляющим здоровье рецептом?

Юноша был родным братом наследного принца, в котором Огненный император Янь-ди души не чаял, и лекарь, конечно же, не отказал в подобной мелочи.

Взяв рецепт, лекарь Хуан прищурил старческие глаза и посмотрел на написанное: сернистая ртуть, цянхо и порошок каури-моллюсков — всё это обычные целебные средства, которые действительно приносили пользу, но это не являлось каким-то секретным снадобьем.

Мужчина уже довольно долгое время жил во дворце и, конечно же, не мог прямо сказать, что это лекарство имеет мизерный эффект, тем самым оскорбив Юн Линя. Лекарь Хуан украсил морщинистое лицо бессовестной улыбкой и со смехом сказал:

— Это смягчающее средство, которое обычно используют, чтобы улучшить здоровье.

Отбросив все сомнения, юноша успокоился:

— С помощью этого лекарства вылечите моего старшего брата Юн Ци. И, начиная с сегодня, каждый день лекари должны отправлять ко мне слуг.

Немедля был составлен рецепт, приготовлено снадобье, которое дали выпить Юн Ци, и после спешно принятых мер юноша пришёл в себя.

Увидев, что старший брат находится в сознании, Юн Линь немного успокоился. К тому же юноша был недоволен тем, что в комнате придворных лекарей не было подземного туннеля, из-за чего там было слишком холодно. Принц приказал подать тёплый закрытый паланкин.

Сначала Юн Линь собирался привезти старшего брата во дворец наложницы Шу, но

передумал, вспомнив сказанные напоследок слова Юн Шаня о том, что младший близнец должен отвести Юн Ци в свой собственный дворец. Юноша не хотел всё усложнять.

Вместо дворца наложницы Шу он привёз Юн Ци в свой дворец — Аньи.

Конечно, являясь сыном императора, у Юн Линя была своя резиденция, и хотя император Яньди пожаловал ему земли в Цзянчжун, однако всё же оставил ему Аньи.

Вернувшись на этот раз, Юн Линь довольно долгое время пребывал в компании матушки-наложницы Шу и никак не мог вернуться к себе во дворец.

Однако сейчас, забрав Юн Ци с собой, принц суетился, бегал туда-сюда, приказывал слугам затопить печь и прибрать в его собственной опочивальне.

После того как всё было приведено в порядок, юноша с особой осторожностью взял старшего брата на руки и, внося в комнату, положил на постель, где специально подстелил двухслойную хлопковую перину. После этого он ослабил застёжку на шее Юн Ци, помог ему укрыться ватным одеялом и, опустив голову, посмотрел на юношу, радостно улыбаясь:

— Старший брат Юн Ци, теперь ты в безопасности.

Вспомнив, с каким трудом удалось вытащить брата из лап чудовища, даже такой неотёсанный юноша, как Юн Линь, в душе вздыхал от тяжёлых переживаний.

Юноша долго не желал уходить, поэтому сел на край кровати, сказав всего одну фразу Юн Ци, и умолк.

Немного помолчав, Юн Линь спросил:

— Старший брат помнит, как мы в детстве лазили на большую сосну? Вчера выпало слишком много снега, а сосна хрупкая, и неожиданно половина ветвей не выдержала и сломалась.

Вскоре юноша вновь спросил:

— Как здоровье второй наложницы Ли? Через дня два мы вместе отправимся навестить отца-императора и попросим проявить немного сочувствия к твоей матушке. Если её выпустят, то разве не будет здорово?

Что бы ни говорил младший брат, Юн Ци его словно не слышал.

Открыв ясные, но в то же время холодные глаза, юноша неосознанно устремил взгляд куда-то.

Перед глазами стояла рябь, которая кругами тихо и легко разливалась, окрашивая воду в мутный цвет.

Казалось, что юноша тихо плачет от печали, однако стоило присмотреться внимательнее, и можно было заметить, что ни одна слезинка так и не сорвалась с ресниц.

Душа Юн Линя пребывала в нерешительности. Неизвестно, чувствовал ли старший брат скорбь и гнев из-за того, что узнал, что Юн Шань опаивал его снадобьем, или же, оказавшись в безопасности, начал бояться неволи и мучений, какие до этого испытывал во дворце наследного принца.

Зная, что Юн Ци чувствительный и нежный, Юн Линь не осмелился прямо спросить, что случилось, и уж тем более не решался произносить имя Юн Шаня. Находясь в стороне и притворяясь, будто ничего не понимает, юноша надеялся, что старший брат перестанет думать об этом негодяе.

Юн Линь долгое время безостановочно болтал, пока во рту не пересохло, но так и не смог вытянуть из Юн Ци ни слова. Если бы он не видел, что глаза у юноши открыты, то подумал бы, что старший брат заснул.

Будучи очень терпеливым по отношению к Юн Ци, Юн Линь по-прежнему расплывался в улыбке:

— Небо уже потемнело, старший брат проголодался? Я уже обессилел от голода. Приказать слугам приготовить ужин?

В тот момент, когда юноша уже собирался распорядиться насчёт еды, стоящий за дверью придворный евнух доложил:

— Из покоев лекарей доставили лекарство, сказав, что Ваше Высочество приказал приготовить укрепляющее средство, которое надо принимать три раза в день перед едой.

Юн Линь ударил себя по лбу:

— Ай-яй, совсем забыл. Скорее входи.

В комнате придворных лекарей Юн Ци уже выпил миску сваренного лекарства, и сейчас это была вторая.

Пришло время принять отвар из лекарственных трав, но Юн Линь боялся, что слуга будет неуклюжим, поэтому сам взял миску и помог старшему брату есть.

Когда юноша заметил, что Юн Ци сильно изменился, став молчаливо-пугающим, то не осмелился вновь затрагивать тему любовного напитка, а лишь сказал:

— Старший брат, выпей лекарства, а когда поправишься, мы с тобой пойдём играть в снежки.

Юн Ци с того момента, как узнал, что Юн Шань поил его ядом, а потом на глазах у матери сжёг письмо Гун Ухуэя, чувствовал, будто сердце выпотрошили и заполнили чем-то тяжёлым, выплеснув всё без остатка и опустошив юношу.

Происходящее в мире и вокруг него Юн Ци совершенно никак не касалось, даже к собственной жизни он относился легкомысленно, не принимая во внимание; пить лекарство или нет — всё это было не важно.

Однако юноша был добрым и, увидев заботу младшего брата, не смог пойти вразрез с его желаниями. Коснувшись края миски, которую заботливо поднёс Юн Линь, старший брат разомкнул губы и медленно выпил содержимое.

Находясь один в комнате, Юн Шань молча просидел почти до двух часов. На следующий день юноша буднично причесался, умылся, переоделся и, позавтракав, как обычно собирался отправиться во дворец Огненного императора Янь-ди, чтобы поприветствовать и справиться о его здоровье.

Отправив Чан Дэфу за дверь, Юн Шань взобрался на коня и уже хотел отправиться в путь, как его взгляд зацепился за прислуживающего отцу-императору придворного евнуха У Цая, который, ступая по снегу в сопровождении нескольких слуг, направлялся ко дворцу наследного принца.

Почувствовав охвативший сердце холод, юноша тотчас же спешил.

И действительно, У Цай пришёл по императорскому указу. Слуга не перекинулся парой фраз с Юн Шанем, как это всегда бывало, его лицо выглядело так, будто на нём была деревянная маска. Увидев Юн Шаня, У Цай сухо проговорил:

— У императора есть указ.

Все опустились на колени прямо в снег.

У Цай стал читать:

— Волею Неба и велением Судьбы, Мы, Император, повелеваем. Нам нездоровится и требуется покой. Министры и сыны императора, прекратите каждый день приходить и справляться о Нашем здоровье, Мы всё равно не сможем принять всех и сразу. Если есть какое-то дело, то разрешаем обращаться к Юн Шэну. Быть посему.

Поклонившись в землю, Юн Шань поблагодарил за милость и, получив высочайший указ, поднялся на ноги и со смехом произнёс:

— Весьма благодарен. Эта воля предназначена лишь мне? Или её передали всем сынам императора?

У Цай не осмелился смотреть в лукавые глаза Юн Шаня и, опустив голову, прятаясь, проговорил:

— Ваш слуга выслушал указ и, взяв его, тотчас же направился сюда, а что касается остальных... Ваш слуга не знает.

Как же смышлёному Юн Шаню да не распознать смысл его слов?!

Юноша опустил взгляд и посмотрел на заснеженную землю, чувствуя всем существом, как снег под ногами становится ещё холоднее.

Мало того что ему запретили ежедневные визиты и позволили по любому делу обращаться к Юн Шэну, так ещё наследного принца лишили права видеться с императором.

Пальцы, находящиеся в длинных толстых войлочных рукавах, не слушались и подрагивали, однако в мгновение ока дрожь прекратилась, и юноша, вдохнув холодный зимний воздух, легко сказал:

— Надеюсь, Небеса смилуются, и отец-император скоро поправится.

Обернувшись, Юн Шань приказал Чан Дэфу взять деньги и пожаловал их слугам, провозгласившим императорский указ.

У Цай, получив награду, выразил благодарность и, больше ни сказав ни слова, удалился.

Юн Шань, которому не обязательно теперь было идти к отцу-императору, вернулся во дворец наследного принца. Заметив, что что-то не так, Чан Дэфу вобрал голову в плечи и последовал за юношей. На лице отражалось смятение, более того, мужчина не осмелился высказывать своё мнение.

Войдя в кабинет, Юн Шань обратился к слуге:

— Иди, принеси недавно доставленные докладные записки.

Чан Дэфу кивнул, однако его ноги будто онемели, не позволяя ему сделать и шагу, вместо

этого слуга с несчастным видом посмотрел на наследного принца.

От природы Юн Шань был словно заточён в твёрдую скорлупу. Он был жёстче, чем кто-либо. Хоть душу охватывало смятение, однако юноша никогда не выставлял эмоции напоказ, сохраняя на лице маску хладнокровия и говоря спокойным голосом.

Увидев, что Чан Дэфу не сдвинулся с места, наследник престола поднял голову и взглянул на слугу:

— Что такое?

— Ваше Высочество...

— Есть, что сказать, говори, не нужно задерживать меня. — И, вновь опустив голову, он продолжил читать.

Чан Дэфу был в нерешительности.

Пословица гласила: «Если человек нашёл путь к спасению, то его животные также вознесутся на небо».

Слуга, следуя по пятам, прислуживал Юн Шаню. Если юноша был счастлив, то и он был счастлив, если принца постигала печальная судьба, то же самое происходило и с ним, и можно было сказать, что они сидели в одной лодке.

Самый близкий человек заботится, всеми силами разрабатывая стратегии в каждом деле, чтобы корабль не несло на скалы.

Обычно Чан Дэфу не смел вмешиваться во всё это, но сейчас, похоже, нельзя было оставаться безучастным.

Он долгое время стоял неподвижно и, собравшись с духом, проговорил:

— Этот высочайший указ... подозрительный. Ваш слуга считает... что Вашему Высочеству нужно отправиться к государыне Шу и попросить её совета...

Юн Шань, слегка выдохнув, вновь поднял голову и с тёмным блеском в глазах посмотрел на Чан Дэфу:

— Подозрительный? Ты, мой управляющий придворный евнух, смеешь без стеснения судить высочайший указ императора? — В словах внезапно заскользил холод.

Испугавшись, Чан Дэфу чуть не рухнул на пол:

— Не смеет, Ваш слуга не смеет.

Юн Шань вновь усмехнулся и равнодушно проговорил:

— Не стоит тебе в это вмешиваться и соваться не в своё дело. Отец-император просто издал указ, чтобы я больше не ходил его проведать, однако он не указывал мне прекратить заниматься докладными записками. Иди, принеси мне их.

Охваченный сильным беспокойством, Чан Дэфу отправился исполнять приказ.

И пока слуги не было, во дворец пожаловал дорогой гость.

В крытой галерее за дверью кабинета слышались лёгкие шорохи, словно кто-то быстро шёл, волоча по полу подол платья.

Разнёсся резкий возглас:

— Прибыла государыня Шу.

Юн Шань выпустил книгу из рук и только поднялся с места, как в кабинет вошла наложница Шу, на голове которой было украшение в виде феникса, а сама женщина была облачена в прекрасный придворный наряд.

— Матушка?

Наложница Шу, плотно сжимая губы, махнула рукой, отсылая следовавших за ней придворных дам и евнухов. После дала знак Юн Шаню, чтобы тот запер кабинет. Женщина увидела, что Юн Шань, закрыв как двери, так и окна, вновь вернулся на своё место, и на прекрасном и изящном лице отразилась обеспокоенность:

— Государь неожиданно позволил Юн Шэну ездить верхом во дворце, наследник престола знает об этом?

— Знает.

— Что? Ты уже знаешь? — наложница Шу остолбенела и нахмурилась. — Тогда почему бездействуешь?

Юн Шань задумался на миг и, горько улыбнувшись, спросил:

— Матушка знает? Отец-император только что присылал ко дворцу наследного принца У Цая, чтобы объявить высочайшую волю, запрещая мне каждый раз навещать и справляться о его здоровье, а если будет какое-то дело, то нужно обращаться к Юн Шэну, а он, в свою очередь, может вместо меня докладывать отцу-императору.

Наложница Шу вдохнула холодный воздух и тихо проговорила:

— Он... он хочет отказаться от наследного принца? Не может быть... Не может быть... — с неверием покачала она головой. От дрожи свисающие жемчужины, украшавшие заколку, застучали, издавая звонкий звук.

Женщина, прожившая во дворце около двадцати лет, не знала о случившемся, но, внезапно услышав слова Юн Шаня, испугалась, и это отразилось на её лице. Часто и глубоко подышав, наложница Шу подавила смятение и заставила себя успокоиться.

— Это из-за Юн Ци? — шёпотом спросила она.

Юн Шань слегка улыбнулся и повернулся, не сводя взгляда с наложницы Шу:

— Матушка всё ещё из-за этого бранит меня?

Лицо женщины внезапно приобрело сердитое выражение, и, подумав, что это неподходящий момент, чтобы злиться на сына, она сдержала порывы гнева, обессиленно со вздохом сказав:

— Какой прок от того, что я побраню тебя? Если ты не переносишь моей ругани, как я могу так поступать?

Она посмотрела на Юн Шаня, и её голос немного смягчился, выражая беспокойство и нежность:

— Государь в последнее время в Юн Шэне души не чает, он любит его сильнее, чем всех остальных сынов. Юн Шань, тебе необходимо придумать какой-нибудь план. Ах, уже имеется прецедент с Юн Ци, и ты, в свою очередь, знаешь, что свергнутого наследного принца ждёт крайне ужасный конец.

Заметив, что юноша глубоко задумался и не проронил ни слова, наложница Шу подошла к сыну и, понизив тон, проговорила:

— Твой отец-император болен, и болезнь день ото дня становится тяжелее. Если случится...

Женщина побоялась продолжить. Сделав паузу, наложница Шу добавила:

— Дитя, матушка повидала много дворцовых интриг. Престол является государственной ценностью. Ради императорского трона отец, сын и братья дерутся не на жизнь, а на смерть, нередко встречаясь на поле брани, где победитель получает всё. А находится это поле разве не во дворце? Юн Шэну, этому мелочному сорванцу, стоит получить какое-нибудь важное дело, пусть даже самую малость, то он сразу же на всех смотрит свысока. Если действительно он отнимет титул наследного принца, то с чем останусь я и мои дети? Юн Шань, тебе нужно как можно скорее принять решение.

Женщина говорила горькую правду с добрыми намерениями, но принц задумчиво молчал.

Наложница Шу вновь проговорила:

— Сейчас в зале-павильоне для аудиенций вассалы часто хвалят тебя, а твоего наставника Ван Цзинця также восхищает твоя благородность. Он служил чиновником на протяжении десяти лет, да ещё ведаёт наукой, у него множество учеников, и он имеет огромное влияние. Твои два дальних дядюшки недавно стали чиновниками, которые заведуют министерством чинов и министерством наказаний. Твой двоюродный дядя — Чжан Хуэйяо — тоже только-только стал императорским главнокомандующим. Все они наши люди, одно твоё слово — и они готовы за тебя голову сложить и пролить кровь. Не мешало бы с ними связаться. Отправь людей, вручи им слепые письма [1] наследного принца, чтобы они всё спланировали и придумали способ, как заставить Его Величество изменить свои намерения. Иначе Юн Шэн будет постоянно вертеться возле твоего отца-императора, и большие дела, непременно, примут дурной оборот.

За эти двадцать мучительных лет, проведённых во дворце, наложница Шу приобрела огромную власть.

Сейчас, когда она высказывала всё это, в душе таились мысли, о которых говорить, разумеется, не стоило.

Юн Шань всё ещё хранил молчание.

Женщина вновь обеспокоилась и в то же время разозлилась:

— Ты, дитя, всегда, если решался что-то сделать — делал, а когда надо было отпустить — отпускал, ты смело и аккуратно брался за дело. Так почему же сейчас, наоборот, готов смягчиться? Ты помнишь, в позапрошлом году князь императорской крови У Цинь замышлял измену? Он первый сын главной жены, родной брат твоего отца-императора и твой родной дядя. Разве он не замешкался в решительный момент, в результате чего был жестоко убит? Кто ещё говорит о каких-то родственных чувствах во время борьбы за трон? Зря ты стал наследником престола, тебе не хватает мужества решить важное дело. Я действительно обманулась в тебе!

Юн Шань наконец-то открыл рот, задав совершенно посторонний вопрос:

— Когда именно матушка узнала о том, что отец-император позволил Юн Шэну ездить верхом во дворце?

— Как только узнала, сразу же отправилась тебя искать. — Наложница Шу внезапно остановилась, обнажая страх на лице: — То есть ты хочешь сказать...

Юн Шань со вздохом кивнул:

— Вчера утром стало известно о привилегии императора, однако матушка узнала об этом только сейчас. Его Величество уже начал предпринимать меры против матушкиных ушей и глаз. Этот императорский дворец всё же принадлежит императору.

Окончательно побледнев, наложница Шу холодно проговорила:

— Но нам совершенно нельзя сидеть и ждать смерти. Ты сейчас же свяжешься с доверенными чиновниками, с которыми ещё можешь, и, надеюсь, до того, как дело станет необратимым, возьмёшь инициативу в свои руки. Ведь кто выступает первым — управляет другими.

Юн Шань покачал головой.

Наложница Шу с изумлением спросила:

— Неужели, поняв всё, ты не осмелишься действовать?

— Это отец-император позволил мне расставить камни на гобане по моим собственным правилам. — И Юн Шань блекло произнёс: — Матушка, не нужно приезжать больше, дворец наследного принца уже не святое место, прошу, не делайте этого и не позволяйте Юн Линю появляться здесь.

Юноша самолично открыл двери и поклонился, стоя возле выхода.

Наложница Шу, находящаяся в кабинете, недоуменно смерила взглядом сына и, тяжело повздыхав, наконец-то лёгкой поступью двинулась с места.

Переступая порог, женщина ненадолго остановилась, мягкой, белой рукой с силой вцепилась в рукав Юн Шаня и прошептала:

— В тот день, когда ты отхлестал плетью Юн Линя, матушка поняла, какой ты жестокий и безжалостный человек.

Ослабив хватку, женщина с печальным лицом удалилась, заставляя идти за собой ждущих в

крытой галерее служанок.

Юн Шань смотрел матушке вслед, глаза охватывал жар, а сам он всё ещё ощущал мягкость и тепло державшей его материнской ладони. Не желая показывать переполняющие сердце чувства, Юн Шань вышел из кабинета и направился за крытую галерею. Юноша сложил руки за спиной и, встав на ступеньки, спокойно смотрел на заснеженный двор, успокаиваясь.

Во дворе двое ещё молодых евнухов, которые не знали о присутствии Юн Шаня, улучив свободное время, играли в снежки.

Как раз в этот момент Чан Дэфу шёл по галерее с докладными записками в руках и, услышав весёлый смех молодых слуг, нахмурил брови. На ступеньках мужчина увидел одиноко стоящего и величественного Юн Шаня, смотрящего на них, и ему от страха небо с овчинку показалось [2]. Обратившись к двум молодым евнухам, Чан Дэфу громко заругался:

— Это, что, вам место для игр? Оба преклоните колени, а потом отправляйтесь в крытую комнату. Увижу, что вернулись, сдеру с вас кожу!

Двое молодых евнуха встали на колени на снежной дороге, дрожа от страха.

Юн Шань неожиданно проявил снисхождение:

— Они просто играли в снежки, ведь такой белый снег выпадает крайне редко, так к чему бранить их? Раз принёс докладные записки, положи их на стол.

Когда Чан Дэфу выполнил распоряжение, в кабинет вошёл Юн Шань.

Юноша хоть и попал в немилость к Огненному императору Янь-ди, однако, по-прежнему оставаясь наследником престола, имел право заниматься докладными записками.

Одни докладные принадлежали оценившим его по достоинству чиновникам и министрам, которые смели открыто высказываться, другие были написаны теми, кто поддерживал отношения с его матушкой, ещё были и те, о которых только что упомянула наложница Шу.

А оставшиеся докладные принадлежали обычным министрам, с которыми не было дружеских отношений, которые были не сообразительными, не способными и не имели каких-либо преимуществ.

Юн Шань посмотрел на кучу документов, немного задумался и начал по порядку просматривать их, делая замечания.

К обычным министрам он обращался, как всегда, где нужно было хвалить — хвалил, а где

вразумить — вразумлял.

К перворанговым, так же как и к другим способным министрам, он относился без исключения одинаково, независимо от того, хорошими они были или нет, всех до последнего резко порицал, ругал на чём свет стоит, не скупился на яростные выражения, и на протяжении всего времени, будучи наследным принцем, был беспристрастен.

Долго провозившись с докладными, Юн Шань слегка вымотался, выпустил из рук кисть и, надавив большим пальцем на висок, легонько стал его растирать.

Наследник престола, подняв взгляд, заметил за дверью мелькнувшую тень, словно кто-то тайком хотел вытянуть шею и заглянуть в кабинет.

— Чан Дэфу, — позвал Юн Шань, — зачем действуешь исподтишка? Войди.

Тенью снаружи действительно оказался Чан Дэфу, который как раз собирался зайти, но не осмелился. Однако, услышав слова наследного принца, слуга спешно переступил порог кабинета и поклонился.

Юноша окинул взором евнуха:

— Подними голову, не стоит её опускать. Слышал, как снаружи воет ветер?

Чан Дэфу поднял взгляд и, воровато посмотрев на юношу, проямлил:

— Ваше Высочество запретил мне докучать болтовнёй...

Потеряв терпение, Юн Шань стал бранить слугу:

— Снова такой мямля, я... — внезапно вспомнив, что вчера вечером сказал Чан Дэфу, юноша неожиданно насторожился, меняясь в лице. — Это Юн Ци?

Слуга кивнул.

Узнав, что это известие о его старшем брате, Юн Шань почувствовал, как холод мгновенно охватил лицо и спустился к горлу, замораживая каждую клеточку, и тихим голосом произнёс:

— Говори.

Чан Дэфу подошёл ближе:

— Ваш слуга слышал, что Его Высочество Юн Ци заболел.

— Заболел?

— Так сказал слуга из покоев лекарей. Его Высочество Юн Ци ослаб от простуды, и вдобавок тяжёлая тоска ранила его сердце и душу. — Мужчина шёпотом доложил: — Вчера Его Высочество Юн Линь лично на руках принёс его в покои лекарей, где накричал на каждого. И только спустя полчаса придворным лекарям удалось привести Его Высочество Юн Ци в чувство.

Юн Шань пристально смотрел на стоящий в углу комнаты светло-синий медный сосуд, словно зачарованный, и не произносил ни слова.

После долгого молчания он наконец-то спросил:

— Он всё ещё в покоях лекарей?

— Его Высочество Юн Линь доставил его к себе во дворец Аньи.

Юн Шань, услышав это, со вздохом сказал:

— У этого дурака Юн Линя всё же осталось немного ума, и он не отвёз Юн Ци к матушке во дворец, — уголки рта дрогнули, обнажив очень едкую ухмылку.

Какое-то время юноша с улыбкой качал головой, храня молчание. Его лицо было словно отлито из чугуна, и никто не мог разглядеть ни единой эмоции на нём.

Чан Дэфу вновь оказался в такой холодной и полной отчаянья атмосфере и стал задыхаться, подсознательно собираясь скрыться, он тихонько полюбопытствовал:

— Если у Вашего Высочества больше нет распоряжений, то Ваш слуга... может удалиться?

Юн Шань окликнул его и, немного поразмыслив, всё же не смог не спросить:

— Как он сейчас?

— Ну только... только слышал, что трижды в день принимает лекарство, а о том, что происходит во дворце Аньи, Вашему слуге неизвестно. А, может, отправить кого-нибудь, чтобы всё выяснили? — спросил Чан Дэфу, прощупывая почву.

Преодолевая желание кивнуть, Юн Шань покачал головой:

— Не стоит.

И вслед за этим вновь задал вопрос:

— Ежедневно по три раза принимает лекарство? Что это за снадобье? Какой придворный лекарь выписал рецепт?

Юноша с крайней внимательностью относился к здоровью старшего брата, и Чан Дэфу прекрасно знал об этом. Все слухи, касающиеся Юн Ци, слуга всегда собирал с особым усердием, и сейчас это действительно оказалось полезным.

Стоило Юн Шаню спросить про рецепт, как мужчина спешно вынул из-за пазухи обычную полоску бумаги, развернул её и передал в руки юноше:

— О деле Его Высочества Юн Ци знает приближённый ученик придворного лекаря Хуан-лао, Цю Ань, и Ваш слуга, предположив, что, возможно, Ваше Высочество захочет обо всём узнать, тщательно расспросил его, что за лекарство было прописано принцу, и записал всё сюда. Цю Ань сказал, что Его Высочеству Юн Ци прописали два лекарства: одно лекарство от старого лекаря Хуан-лао снимет озноб и вылечит простуду, а второе, по словам Его Высочества Юн Линя, укрепит здоров...

— Чувшь, Юн Линю не знакомы лекарственные снадобья, как он мог сказать, что это оно укрепит здоровье? — Юн Шань без раздумья опроверг слова слуги, в мгновение ока его стали терзать сомнения, и юноша, трепеща от страха, проговорил: — Кто ему дал этот рецепт? Плохо дело!

В следующую же секунду наследный принц резко поднялся с кресла и спешно покинул кабинет.

Примечания:

[1] Имеют скрытых получателей писем, чьи адреса не показываются другим.

[2] Русский аналог: душа ушла в пятки.

<http://bllate.org/book/13372/1189602>